
NON-FICTION
БК
Александр
Етоев
ПОЛНОЕ
КНИГОЕДСТВО
от Н до Я
18+
«АЗБУКА»

Александр Васильевич Етоев

Полное книгоедство от Н до Я. Опыт занимательного литературоведения и не только

Серия «Non-Fiction. Большие книги»
Серия «Полное книгоедство», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74699026
Полное книгоедство от Н до Я : опыт занимательного литературоведения и не только / Александр Етоев: Азбука, Издательство АЗБУКА; Санкт-Петербург; 2026
ISBN 978-5-389-35315-2

Аннотация

Почему «Книгоедство»? И тем более «полное»?

Во-первых, когда-то у меня выходила книжка «Душегубство и живодерство в детской литературе». То есть преемственность сохраняется, ведь известно, что от душегубства до книгоедства расстояние такое же малое, как от саксофона до финского ножа. Во-вторых, оно хоть и режет слух, но семантически совершенно светлое, ибо соответствует нашему привычному «буквоеду» – и магазину, и человеку. А полное оно потому, что совмещает в себе первые два издания – «Книгоедство» и «Экстремальное

книгоедство» – с добавлением кой-чего, отсутствующего в предыдущих изданиях.

А еще мое «Книгоедство» – произведение художественное, и именно так его и нужно воспринимать. Поэтому, кроме чисто книжных статей (или главок, кому как нравится), я включил сюда и маленькие рассказики, замаскированные под заметки об авторах или книгах, и записи о некоторых вещах, вроде бы с литературой не связанных, а еще литературные «факты», основанные на фантастических допущениях.

И всех их объединил собой.

Руку на сердце положа, книга эта – малая дань моему давнему пристрастию к чтению, обреченная на неудачу попытка заинтересовать как можно больше людей этим небесполезным делом, мой роман с литературой, в конце концов (*Александр Етоев*).

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Н 7
«На Востоке» П. Павленко 7
Надсон С 10
Нансен Ф 12
Наполеон 14
Народная поэзия 19
«Настоящие сказки» Л. Петрушевской 27
Наши 30
«Неизбежность ненаписанного» А. Битова 33
Некрасов Н 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Александр Етоев
Полное книгоедство от Н до Я: опыт занимательного литературоведения и не только

NON-FICTION

Серия «Non-Fiction. Большие книги»

© А. В. Етоев, 2026
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

Н

«На Востоке» П. Павленко

Бывают в жизни фантастические сюжеты, и происходят они обычно с классиками, причем чаще всего после безвременной кончины последних. Один из таких мистических парадоксов произошел с памятником классику советской литературы писателю Петру Андреевичу Павленко (1899–1951), установленным еще при жизни писателя во Владивостоке. Дело в том, что за годы стояния в сквере на одной из площадей города памятник развернулся почти на 30 градусов к западу и стал на 5 сантиметров выше. Это странно вдвойне, потому что слава писателя, которой он при жизни обладал в полной мере, стала с годами ослабевать, если не сказать горше – просто сошла на нет, – и, по идее, памятнику следовало бы укоротиться, он же, наоборот, подрос. И по поводу поворота к западу – логичнее был бы поворот памятника к востоку, ведь главное сочинение писателя, фантастический роман «На Востоке», именно Востоку и посвящен – будущему советского Востока и, шире, всего Востока, одному из возможных будущих.

Великие события, о которых повествует роман, разворачиваются на границе СССР и Маньчжурии, временной охват

– с мая 1932 года по март 1933-го, когда японские интервенты напали на Советский Союз и нанесли удар по Владивостоку. Прелюдией к роману послужили «Полемические варианты», изданные в 1934 году приложением к книге Гельдерса «Воздушная война 1936 года», суть которой сводится к следующему: победа в будущей войне достается тому, чья бомбардировочная авиация многочисленнее и мощнее. Павленко, полемизируя с немцем, упрекает последнего в незнании или же игнорировании теории классовой борьбы. Война, по учению классиков марксизма-ленинизма, развязанная империалистической державой, немедленно повлечет за собой социальную революцию, которая сразу же войну и погасит, свергнув одновременно и развязавшую эту войну несправедливую власть.

В романе «На Востоке» японцы в одночасье отброшены от границ армадами советских бомбардировщиков, а восставшее трудовое население завоеванных Японией областей ударяет по врагу на местах. Результат очевиден – уже на второй день войны наши самолеты бомбят Токио, а подключившаяся к делу пехота добивает противника на земле.

И как гимн победе читается последняя, пятая часть романа. Здесь рассказывается о строительстве Сен-Катаямы, города дружбы трудящихся всех народов Востока, сбросивших с себя иго японских завоевателей.

> Город уже копошился среди тайги. Деревянные бараки и двухэтажные коттеджи вели шесть длинных

улиц. В центре города стоял деревянный Дом бойца, но кино и театр еще только значились. Японоведы из Москвы готовились читать лекции в шалашах и палатках ⟨…⟩ Четыре улицы были японскими, пятая – корейской, шестая – китайской ⟨…⟩ Улицы города упирались в цветники, огороды, свинарники, кузницы, сетевязальни. Из владивостокского политехникума волокли коллекции рыб, почв и руд. Профессор Звягин показывал в бараке ловлю ивасей электрической сетью ⟨…⟩

А через какое-то время, когда «водоемы уже построены»:

Ольга назначила первую встречу со студентами назавтра в девять утра.

– Не пойдет, – сказал Цой. – В девять история классовой борьбы.

– В десять?

– В десять – стратегия и тактика вооруженного восстания.

– Ну, назовите свой час.

– Ноль часов тридцать минут, – ответил Цой. – Другого времени нет. Будут четыре группы по сорок человек с четырьмя переводчиками.

Когда ночью она подходила к лекционному шалашу, Цой скомандовал «смирно» на четырех языках.

– Товарищ лектор! Слушатели рыбного техникума в составе 261 человека готовы к занятиям.

Она развернула таблицы и диаграммы.

Надсон С

> Конец восьмидесятых и начало девяностых годов было самым тяжелым временем для русской поэзии. Все потускнело, приникло и окостенело. Публика жила воспоминанием о Надсоне, а поэты перепевали из него.

Такую печальную характеристику дает Максимилиан Волошин состоянию русской поэзии последних десятилетий XIX века. Тот же Волошин, полагая главным поэтическим достижением Пушкина введение им в русский стих четкой и сухой фразы – «прозы» (отчего напевность соседствующих с ней стихов поднималась до «неведомой силы»), Надсона считает едва ли не главным виновником опошления этого направления в поэзии:

> Благодарная пушкинская «проза» в стихе вскоре выродилась в однообразный речитатив, и голоса русских поэтов потонули к 80-м годам в однообразной и чувствительной напевности, синтез которой был дан Надсоном.

Не будем забывать, что язвительные строки Волошина о кумире поколения его отцов были сказаны поэтом в 1917 году, когда поэзия в России переживала такой подъем, какого не бывало уже много десятилетий. Блок, Кузмин, Ахматова, Цветаева, Сологуб, Маяковский, Хлебников… Список можно продолжить еще многими именами. А представьте себе,

что Пушкин уже выучен наизусть и душа, ищущая новых поэтических впечатлений, не находит вокруг себя ничего, что хоть как-то может ее, бедную, напитать. И вот тут-то приходит Надсон со своими утешающими напевами:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой…

Или:

Не говорите мне: он умер, – он живет,
Пусть жертвенник разбит, – огонь еще пылает.
Пусть роза сорвана, – она еще цветет,
Пусть арфа сломана, – аккорд еще рыдает!..

Сочинения Надсона в общей сложности (с 1885 по 1917 г.) издаются суммарным тиражом более 200 тысяч экземпляров. В 1886 году поэту за его книгу «Стихотворения» присуждается Пушкинская премия. Это ли не всенародная популярность? Пусть на безрыбье, но почему нет. Разве я не прав, господин Волошин?

Нансен Ф

Какую-то часть жизни я прожил в Ленинграде на улице имени великого русского полярного морехода Георгия Яковлевича Седова, который два года, с 1912-го по 1914-й, возглавлял экспедицию к Северному полюсу на «Святом мученике Фоке». Много раньше, лет примерно в 10–12, я прочел роман Жюля Верна о капитане Гаттерасе, ценой невероятных трудностей и лишений поднявшемся выше восемьдесят второго градуса северной широты и достигшем Северного полюса. Надеюсь, два этих факта дают мне право написать несколько строчек еще об одном отважном покорителе Севера – норвежце Фритьофе Нансене.

При жизни этого человека называли современным викингом. Еще будучи юношей, он совершил свою первую северную экспедицию – лыжный переход через материковые льды Гренландии. Кстати, обманчивое название «Гренландия» – «Зеленая страна» – придумано было специально для того, чтобы заманивать туда легковерных людей. Ну вроде как рай на севере, загадочная Ультима Туле, где круглый год лето, на деревьях растут пироги с повидлом и повсюду из зеленой земли бьют веселые фонтанчики алкоголя. Автор выдумки – Эрик Рыжий, в конце X века н. э. открывший этот ледяной остров.

Нансен к числу людей легковерных, конечно, не относил-

ся, и цель его похода была не связана с мечтами о земном рае. Он был, во-первых, человек подвига и, во-вторых, человек науки. Каждую свою полярную экспедицию он тщательно описал и запротоколировал, и эти труды исследователя давно стали памятниками его отваги. Особенно последняя книга – «„Фрам“ в полярном море», – дающая детальное описание экспедиции 1893–1896 гг.

Жизнь таких людей, как Фритьоф Нансен, по сути, оправдывает существование самого человечества. Во всяком случае, вселяет надежду, что не все в мире замыкаются исключительно на себя, а есть такие, кто видит новые горизонты и стремится к ним, несмотря на трудности и преграды.

Наполеон

Михаил Назаренко у себя в ЖЖ приводит старую еврейскую байку о Наполеоне и портном (процитированную по сборнику: Еврейские народные сказки, предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е. С. Райзе / Под ред. В. Дымшица. СПб., 1999). Вот она:

> Когда французский император Наполеон Бонапарт бежал без оглядки из России во Францию, он по пути не раз останавливался в местечках и ему приходилось ночевать в бедных еврейских домах. Однажды, спасаясь от русских партизан, Наполеон вбежал в дом еврея-портного и попросил хозяина спрятать его от мужиков, которые гонятся за ним с вилами. Портной и спрятал императора в постели под периной. Только он это сделал, как в избу ворвались партизаны. Осмотрели все углы в доме, никого не нашли и решили уйти, но перед уходом один партизан изо всех сил ткнул вилами в постель. Вскоре личная охрана императора выгнала партизан из местечка.
>
> Наполеон решил отблагодарить еврея-портного за свое спасение и говорит ему:
>
> – Знай, я – император французов. Я не хочу оставаться перед тобой в долгу и готов выполнить три твоих желания. Скажи, чего ты хочешь, я все для тебя сделаю.
>
> Еврей, недолго думая, просит:

– Велите, ваше величество, своим людям починить мне крышу, а то она прохудилась – дождь так и льет в дом.

Наполеон удивился такой неприхотливости бедняка-еврея и тут же отдал распоряжение починить крышу.

– У тебя осталось еще два желания, – напомнил он еврею. – Говори, все будет исполнено.

Портной почесал в затылке, раздумывая, чего бы ему такого попросить у императора.

– Ваше величество, – сказал он наконец. – В нашем местечке живет один француз-портной, мой главный конкурент, и я из-за него терплю убытки. Увезите его с собой во Францию, и я вечно буду вам благодарен.

«Глупый еврей, – подумал про себя Наполеон, – и просьбы у него глупые».

Однако же распорядился приготовить, чтобы вывезти имущество француза-портного.

– Ну а сейчас у тебя осталось последнее желание, – сказал он портному. – Говори.

Долго думал портной, но так ничего и не придумал. Самого главного он добился – крыша починена и от конкурента избавился, а о чем еще просить – ума не приложит. Думал-думал и наконец спрашивает:

– Мне только одно интересно узнать, что вы, ваше величество, чувствовали в тот момент, когда лежали под периной, а мужик тыкал вилами?

Тут Наполеон рассвирепел, затопал на еврея ногами:

– Как ты смеешь издеваться над императором? Заковать его в цепи! Расстрелять!

Сказано – сделано, портного тут же заковали в цепи. Не прошло и часа, прибыл конвой и повел еврея за околицу местечка. Поставили его на пригорок, в двадцати шагах выстроили шесть стрелков. Они вскинули ружья, прицелились и… еще минута – и портной лежал бы бездыханным на траве. Но тут вдруг послышался топот копыт. Примчался, размахивая письмом императора, гонец. Казнь была отменена. В письме, переданном портному, император написал: «Ты хотел знать, что я чувствовал, лежа под периной, – теперь ты это знаешь. Так я исполнил и третье твое желание».

Концовка чем-то напоминает историю Достоевского-петрашевца, ту ее часть, где казнь заменяется «мертвым домом». Впрочем, это так, к слову.

В связи же с приведенным рассказом мне вспомнился старинный раёк о Наполеоне и пленном казаке. Цитирую по книге «Петербургский раёк» (СПб.: Гиперион, 2003):

А вот, господа, вспомянем и старое иногда.

Вот перед вами славный Наполеон, пленного допрашивает он.

За ним стоит верный его маршал Мюрат, который драться всегда рад.

А там гренадер на часах, в престранных усах.

Вот взял подзорную трубу Наполеон, поглядел на пленного он:

– Ты, братец, что за птица?

– Иван Васильев, по прозванию Синица.

– Кто ты таков?
– Из донских казаков.
– Как ты сюда попал?
– Меня драгун ваш в полон взял.
– Ну что, каково мы деремся?
– Нешто, хорошо, да и мы не поддаемся!
– Экая, брат, у тебя борода!
– Такая у нас мода всегда!
– Небось со мною не в бабки играть?
– Ваше величество, умеете пару поддать!
– Что, много ль у вас там полков?
– Про то знает лишь писарь Попов.
– А много ли пушек стоит?
– Я счет не умею сводить.
– Где брод и мосты на реке?
– Не знаю, они от нас вдалеке.
– Что ваш генерал?
– Без вести пропал.
– Ну а полковник?
– Давно уж покойник.
– Дорога эта ведет, брат, куда?
– Туда.
– Откуда?
– Оттуда.
– Ну, право, брат, чудо! Мастер же ты отвечать!
– Не умею я, батюшка, лгать.
– Хват же ты, молодец!
– Спасибо, родимый отец!
– Ступай же, казак, ты домой, исполнил ты верно

солдатский долг свой. Руки ему развяжите, червонцев в карман положите. Скажи своим молодцам, что скоро я бал им задам, попотчую железом и свинцом, на чистом поле попляшем потом! Прощай, борода! Проводите его за лагерь, туда!

– Щастливо оставаться, рады мы с вами, батюшка, драться.

– Нечего сказать, мастер ты в свинцовый мячик играть! Экой народ, его ничего не берет!

– Завтра чем свет, господа, собраться всей армии сюда. Мы город пойдем штурмовать, прошу у меня зори не проспать!

– Подайте мне карту и план, да кофе налейте стакан.

Все эти пространные цитаты я привел исключительно ради последней строчки – той, где «план да кофе стакан». Больно уж она хороша. Сам же Наполеон Бонапарт, по правде, меня мало интересует.

Народная поэзия

Что такое народная поэзия? Это когда автор размывается на общем народном фоне и практически утрачивает свое авторство. Отсюда и определение народных стихов: народными называются такие стихи, которые потеряли своего автора. Народными также можно считать стихи, когда человек, их сочинивший, не претендует на звание поэта и дарит стихи любому, кто в них нуждается (на день рождения другу, подруге, сослуживцу, школьной учительнице, начальнику). Пусть даже известно имя этого сочинителя, все равно стихи уже оторваны от него и переходят в народные.

Кстати, и с поэтами-профессионалами такое тоже бывает – когда их родное детище покидает родительское гнездо и уходит гулять в народ.

В моей домашней коллекции есть много интересных примеров подобного народного творчества.

Вот некоторые из них.

УФИМСКИЙ ГОРОД

Над Белой рекой величаво
Уфимский наш город стоит.
Красиво, уютно в нем стало,
И древность свою он хранит.

В начале двадцатого века
Весь город застройку начал,
Он сделан рукой человека,
Красавец Башкирии стал.

Тот облик на взор изменился,
Тех ветхих домов уже нет.
Булыжник с дорог удалился,
Повсюду асфальт и паркет.

Стоят корпуса все высоко,
Есть парки, сады и леса.
Наш город увидишь далеко,
Как будто он врос в небеса.

Прекрасно на Белой весною.
На быстрой моторке плывешь,
Любуясь природой, Уфою,
Тем самым душой отдохнешь.

НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

С тобой мы с юных лет встречались,
У нас одни были мечты —
Порой мы грустно расставались,
И в этом знала только ты.

Я увлечен тобой безмерно,
Не сможет так любить иной!

Клянусь, что будет неизменно,
Лишь только б ты была со мной.

Руки своей мне обещала,
Ответ желанный долго ждал,
Но вдруг в согласьи отказала,
Сказав, чтоб больше не встречал.

В случайной встрече мы с волненьем
Стеснялись руку протянуть.
Ее спросил я с уваженьем,
Нельзя ли нам любовь вернуть?

Она в ответ тогда сказала:
Тебя ждала я много лет,
Моя любовь к тебе увяла
И к ней возврата больше нет.

С тех пор мы больше не встречались,
Во всем повинны я и ты.
Успехи нам не увенчались,
В связи несбывшейся мечты.

МЕЧТА

Мечта, мечта волнует нас всегда
Она как птица как звезда
Как непокорная судьба
Не любит клеток никогда

Если мечта сядет на лужок
Ты сделай бешанный прыжок
И будешь рад своей судьбой
Навеки будешь рад своей судьбой

Мечту хватай пока она сидит
Она взмахнет крылом и улетит
Тогда ты распрощаешься с мечтой
И будешь проклят ты судьбой
И будешь проклят матушкой-судьбой

Не плачь быть может снова прилетит
И снова сядет на лужок
Ты сделай бешанный прыжок
А не поймаешь – улетит.

У приведенных стихов есть авторы, но имя их такое же общее, как имя ветра или голос гвоздя, скребущего по стеклу машины. Поэтому они с полным правом принадлежат народу.

P. S. Вот еще для любителей подобного чтения несколько характерных примеров:

Почему-то настроение упало,
Может потому что солнце пропало
Птицы невесело песни поют

А люди по-прежнему счастье куют

А песня веселой должна быть всегда
Хоть грустно бывает нам иногда
Песня помочь нам может в беде
Лишь не заботится она о себе

И нету прекраснее песни земной
Она будет вечно летать за тобой
Летать она будет на крыльях любви
И эхом споют за ней соловьи.

ЛЕГЕНДА О ДАНКО

Жили люди на земле давным-давно
Кроме счастья они не знали ничего
Были счастливы и веселы они
Но напали вдруг жестокие враги

И прогнали их в болота и леса
Где была одна ночная мгла
И покинула надежда их совсем
Нету выхода казалось тогда всем

Но пришел на помощь юноша один
Был он смел и потому непобедим
Грудь свою не жалея разорвал
И оттуда свое сердце он достал

Впереди с горящим сердцем он пошел
И людей в степь широкую привел
Не пожалел сердца Данко своего
Так не забудем товарищи его.

ГИМН ПЕРЕСТРОЙКИ

(Программа партии Всемирно-демократического государства)

Отбросим старые ученья,
Научно мыслить мы начнем,
Поймем земное назначенье,
Обиды мелкие затрем.
Лишь руководствуясь наукой,
Мы сможем счастье обрести:
Паразитизм и садизм
Со всей Земли смести.

Когда ж мы будем только слушать,
За нас за всех зло будет кушать,
А чтоб заставить хлеб есть свой,
Дай плутократу судный бой.
Он не один, их целый строй,
Но ты будь смел и крепко стой.
Трудящихся намного больше,
И власть труда должна быть дольше.

Начни с того, что требуй прав,
Закончи тем, что делом правь.

Сперва с военной кончим гонкой,
Потом с всеобщей потогонкой.
Наступит равенство для всех,
И главным шумом будет смех.
Нужна любовь, а не вражда,
Природа будет спасена.

Мы долго в страхе все терпели
Культ, ложь, цензуру и застой,
А наяву мы громко пели:
«Отец», «Заступник», «Дорогой».
Теперь не выставят нам тройки
Ни бог, ни царь и ни герой,
Свершим повсюду перестройку
«Своею собственной рукой».

Должны мы все объединиться,
Чтобы от смерти мир спасти,
Умно бороться и трудиться
И до конца свой крест нести.
Объединение всех граждан
Программной целью назовем:
«Демократической всемирной» —
И без границ мы заживем.

Но чтобы так все получилось,
Чтобы потомкам счастье дать,
ПВДГ должны мы дружно
Везде и всюду поддержать,

Создать ее ячейки срочно,
Без дополнительных речей,
Тогда все дело будет прочно,
Приобретем везде друзей.

P. P. S. Приношу благодарность Елене Владимировне Гуляевой, бывшей моей коллеге по редакторской деятельности, за предоставленные в мое распоряжение примеры стихов, лишившихся авторства.

«Настоящие сказки» Л. Петрушевской

Если составить список самых смешных книг, изданных в нашей стране за последние двадцать лет, и еще один, только самых грустных, то большинство имен авторов войдет и в тот и в другой.

С. Довлатов, Вен. Ерофеев, Юз Алешковский, Вл. Войнович, Вяч. Пьецух, Б. Вахтин, Евг. Попов…

Сюда же непременно попадет и Л. Петрушевская со своими «Настоящими сказками».

«Нельзя смеяться над больными» – говорит народная мудрость.

«Можно, – отвечает книга Л. Петрушевской, – если больна душа. Если она, как души тех горожан из сказки Евгения Шварца, которых искалечил дракон, – безрукая, безногая, глухонемая, цепная, прожженная или мертвая».

Л. Петрушевская и Евг. Шварц.

Имя нашего великого сказочника вспоминается не случайно, когда читаешь книгу Л. Петрушевской. И вовсе не потому, что формально она продолжает традицию современной сказки. И тем более не по той причине, что вещи и Шварца, и Петрушевской блестяще написаны.

Дело в другом.

А именно – в отношениях авторов и своих героев: какой

любовью они их любят, какой ненавистью они их ненавидят.

В сказке все на виду. «Сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь», – писал Шварц в прологе к «Обыкновенному чуду».

Читая «Настоящие сказки» и сравнивая их со сказками Евгения Шварца, видишь, насколько разными голосами говорят авторы.

Шварц – учитель и врач; он учит «как» – лечить душу, убить дракона.

Петрушевская ничему не учит. Она просто ставит диагноз. И уж дело самих больных – лечиться им или жить как есть, с прожженной или дырявой душой.

Это принцип того направления в современной прозе, к которому принадлежит Петрушевская. Она намеренно стоит вне – вне идеологии, вне борьбы: показывает, но не учит.

Сказки ее действительно «настоящие», то есть о настоящем, полны деталей, очень реалистичны, взяты из самой жизни, из темных ее глубин.

В них присутствует инфернальный ужас – вещь для сказки вообще характерная, особенно для сказки народной. В свое время это замечательно подметил А. Платонов и передал в своем «Волшебном кольце».

Если приглядеться внимательно, действуют в ее сказках не люди. Это кукольный театр, и все его персонажи – куклы. Они играют в людей, наряжаются в людские одежды, льет-

ся клюквенный сок, который заменяет им кровь, они совершают подлости, которые считают за подвиги, расталкивают других локтями, любят и предают любовь. Словом, действуют примерно как люди. Жестокая сторона жизни для большинства из них – привычка и норма. Уязвимость, хрупкость и беззащитность – слова для них почти иностранные.

Но вся эта нарочитая невсамделишность создает атмосферу правды, удивительной достоверности и заставляет думать.

Люди-куклы у Петрушевской – это материализация наших с вами нынешних страхов: страха перед неистребимым хамством, грубой силой, нищенским бытом, жестокостью, бессердечием, неотвратимостью смерти.

Герои этих сказок обречены, затянуты смертельным водоворотом. И лишь волшебное слово автора искусственно, безо всякой логики выносит их на счастливый берег.

Но мы-то знаем, что зло не побеждено, оно просто прикрыто тряпкой с надписью «Счастливый конец»; и оттуда, из-за тряпичной ширмы, слышатся визг и хохот и довольный голос дракона: «Вранье, вранье. Мои люди очень страшные. Таких больше нигде не найдешь. Моя работа. Я их кроил».

Наши

На петербургском форуме, посвященном вопросам российского просвещения (см. «Космос»), досталось и движению «Наши». Директор Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский обрушился на них, заявив: «Как кому-то могло прийти в голову основать движение с таким названием? Об этом же все написано у Достоевского в „Бесах“». Действительно, в романе Достоевского именно так себя называли заговорщики-радикалы – «наши».

Для тех, кто не помнит или романа не читал, напоминаю, вернее, цитирую слова Петра Верховенского, главного революционного персонажа «Бесов»:

> Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!

Также «наши» – «хохотуны, заезжие путешественники,

поэты с направлением из столицы, поэты взамен направления и таланта в поддевках и смазных сапогах, майоры и полковники, смеющиеся над бессмысленностию своего звания и за лишний рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу; генералы, перебежавшие в адвокаты; развитые посредники, развивающиеся купчики, бесчисленные семинаристы, женщины, изображающие собою женский вопрос…»

Это перечень, а вот вывод:

> В том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем!.. В возможности считать себя, и иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость, – вот в чем наша современная беда!

На апелляцию директора Эрмитажа к великому писателю-классику нашелся, впрочем, аргумент повесомей. Ректор моего родимого Военмеха резонно возразил Пиотровскому, что патриот нужен нашему отечеству больше, чем просто профессионал.

Если честно, мне обидно за слово «наши». Для меня это дворовое детство, мальчишеские игры в войну, двор на двор, парадная на парадную, прятанье в дровяных сараях, от которых ныне и следа не осталось, потому как на стыке 50–60-х город перешел с печного на центральное отопление и единственным недолгим напоминанием об ушедшей эпохе оста-

лись печи-голландки, которые потом повторили судьбу сараев из-за дефицита жизненного пространства.

Вот такая тема и такие вариации на нее.

P. S. Этим летом (июнь 2008-го), выезжая из Ялты, видел у дороги плакат, пропагандирующий некое общественно-патриотическое объединение «Мы». Вот уж действительно печальна участь людей нечитающих – в точности повторить название известного романа Замятина!

«Неизбежность ненаписанного» А. Битова

Битова всегда открываешь заново.

Вдруг читаешь его стихотворение и вздрагиваешь, чувствуя, как это хорошо:

Ни боли, ни водки ни грамма,
Ни первой, ни третьей вины…
Одна бесконечная мама —
В тридцатых еще, до войны…

Кажется, простые слова, и слышанные вроде бы не однажды – у Тарковского, у Окуджавы, – и все-таки…

Давно, лет, наверное, десять назад, я купил в букинистической лавке «Путешествие к другу детства» 1968 года издания. И на форзаце обнаружил надпись: «Тамара, когда увидишь где-нибудь книгу Андрея Битова, сразу покупай и читай. Лет через 15 книги этого писателя будут читать так же, как читают сейчас Булгакова». Надпись сделана в шестьдесят девятом году. Сейчас Андрей Битов стал почти классиком.

Литературный монтаж – жанр, придуманный, кажется, Вересаевым. «Пушкин в жизни», «Гоголь в жизни». Была еще «Судьба Блока», сработанная так же, по-вересаевски, по принципу монтажа – из кусочков воспоминаний, записок,

свидетельств, дневников и т. д.

Но то все были книги о ком-то, не о себе.

Я ничуть не принижаю писателя, взявшегося составить с помощью бумаги и ножниц свою прижизненную биографию. Любая книга любого талантливого писателя по сути своей биографична. А уж про книги Битова и говорить нечего. Но тут – другое, тут рождается новый жанр, и нельзя говорить заранее, что из этого ребеночка выйдет.

«Битов в жизни» – попытка вычленить из старых и новых своих сочинений то, что относится непосредственно к жизни «Я», к развитию себя внутреннего, связав, естественно, с сокровенным течением жизни внешние картины и впечатления. Вычленить, построить цепочку, связать недостающие звенья какими-нибудь архивными справками, древними медицинскими картами, шаткими лесенками стихотворений.

Битов как автор «Неизбежности ненаписанного» – это монтажник-высотник собственного нерукотворного памятника. Жизнь, выстроенная в высоту. Увиденная с высоты – как бывает, когда взбираешься высоко-высоко, трудно, долго, а потом переводишь дыхание, бросаешь случайный взгляд вниз, и страшно делается, и одновременно весело – дух захватывает, и ты кажешься себе ангелом битв, и небо – вот оно, рядом: воздух, птицы, а внизу маленькая земля, и люди ходят по ней такие маленькие, уютные, вовсе не похожие на себя в жизни. А вниз уже не спуститься, можно только сорваться – в смерть.

Или тебя унесет потоком куда-нибудь к горе Арарат, к Ною, к праведникам, в ковчег, в землю обетованную, которая летает по небу, как летучий сказочный остров, и уже не приземлится вовек.

А там, на этом летучем острове, – те, кого внизу уже с нами нет. Ося Бродский, Сережа Довлатов, Олежка Григорьев. И конечно же, Александр Сергеевич прогуливается рядышком с Андреем Донатовичем – на одном сюртук по последней моде, на другом – задрипанная лагерная одежка. Где ж им быть, как не здесь. Это их остров – и Бориса Леонидовича, и Анны Андреевны, и —

Ни боли, ни водки ни грамма,
Ни первой, ни третьей вины…
Одна бесконечная мама —
В тридцатых еще, до войны…

Некрасов Н

1.

Некрасова я знал хорошо, а лучше бы и не знал. Тяжелый был человек, хотя и не без дарования, если бы не карты, вино, женщины, поджоги и убийства. Без этого и творить не мог. Придет, бывало, в клуб, метнет фальшивую талию, выиграет и сейчас же бежит.

– Не могу, – говорит, – у меня вино, карты, женщины. И все это меня дожидается…

Этот отрывочек из пародии Аркадия Бухова я привел не случайно. Прочитай Некрасов такое при жизни (рассказ Бухова написан в 1928 году), он бы одно из двух: или вызвал сочинителя на дуэль, или пригласил его в лучший ресторан на Большой Морской и устроил в честь пародиста роскошный ужин с музыкой и шампанским. Потому что Некрасов был человек: а) до обидчивости серьезный; б) понимающий веселую шутку и знающий в этом толк.

Возьмем в руки какой-нибудь прижизненный сборник поэта, хотя бы «Стихотворения Н. Некрасова» издания 1869 года, очень кстати оказавшийся под рукой. Наряду с ныне хрестоматийными («Размышления у парадного подъезда», «Мороз, Красный нос») автор сюда включил и ранние свои, «юмористические», стихи, рядящиеся под записки в

стихах петербургского жителя А. Ф. Белопяткина, в которых он описывает столичную жизнь – подробно и со знанием дела. Вот, к примеру, как автор записок отзывается на премьеру оперы Глинки «Руслан и Людмила»:

Отменно мне понравилась
Полкана голова:
Едва в театр уставилась
И горлом здорова!

А вот какие мысли приходят на ум А. Ф. Белопяткину при созерцании чучела кита, выставлявшегося в апреле 1843 года в специально построенном балагане возле Александринского театра:

Столь грузное животное
К нам трудно было ввезть,
Зато весьма доходное,
Да и не просит есть.

Комментируя одно из мест поэмы Пушкина «Евгений Онегин», связанное с княгиней Марией Волконской, Владимир Набоков пишет: «Героический отрезок ее (княгини Волконской. – *А. Е.*) жизненного пути воспет Некрасовым в длинной и нудной, недостойной его истинного гения и, увы, бездарной поэме „Русские женщины“, любимом произведении тех читателей, для кого социальность замысла важнее

художественного результата».

Хорошо, пусть нудная, недостойная. Но зато и человек был какой – «вино, женщины, поджоги и убийства». Вот вы, господин Набоков, будь у вас такая яркая биография, сумели бы вы – только честно – создавать одни лишь шедевры?

2. Теперь о теме денег в жизни Некрасова.

Тема денег в жизни Некрасова всегда имела первостепенное значение. Поэтом и редактором он был замечательным, но как предприниматель и хозяин самых выгодных в коммерческом отношении российских журналов отличался крайней жесткостью и непомерной скупостью.

> Как все тогдашние предприниматели, он недоплачивал своим сотрудникам, пользуясь их бескорыстием. Его личная жизнь тоже не отвечала требованиям радикального пуританства. Он постоянно крупно играл. Тратил много денег на свой стол и своих любовниц. Был не чужд снобизма и любил общество людей вышестоящих. Все это, по мнению многих современников, не гармонировало с «гуманным» и демократическим характером его поэзии… Но хотя Тургенев, Герцен и большинство современников Некрасова ненавидели, радикалы, работавшие у него, им восхищались, любили его безгранично и отпускали ему и простительные личные, и даже, более того, общественные прегрешения. Его связь с г-жой Панаевой, героиней его лучших и оригинальнейших

любовных стихов, продолжалась около десяти лет и стала одним из самых известных романов в биографиях русских литераторов. Некоторое время Некрасов и Панаевы жили втроем («mènage à trois») – жорж-сандистский либерализм, популярный среди интеллигенции в середине девятнадцатого века. Обоим – и Некрасову, и Панаевой – эта связь доставила гораздо больше страданий, чем радостей. Хронически больной (в результате своей беспорядочной жизни), Некрасов был подвержен длительным приступам меланхолии и депрессии; при этом он страшно страдал и превращал жизнь своих близких в ад. После разрыва с Панаевой Некрасов жил с любовницами, которых содержал, пока незадолго до смерти не женился на простой девушке из народа… Он умер 27 декабря 1877 года. Похороны его стали самой поразительной демонстрацией популярности, какой когда-либо удостаивался русский писатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.